

Через несколько минут Ахао вернулся под руководством сутенера, Сюй Цэ и все трое вошли в бордель.

На этот раз, когда он вошел в бордель, Сюй Цэ был щедр, а также он был человеком, который однажды встретился с миром, и он не был так смущен, как в прошлый раз в городе Ренцзя.

Два старых дрофа подошли и затянули горло:

"О, три сына, какие девушки вам нравятся? Сейчас еще рано, и девушки еще бездельничают, вы можете выбрать любую.

Конечно, это также зависит от того, сколько сын заплатит. "

Сюй Цэ махнул рукой и легкомысленно сказал:

"Я давно слышал, что в борделе города Цзинькэ есть ойран по имени Сяолин, которая сегодня пришла послушать звуки фортепиано девушки Сяолин.

Что ж, вы можете попросить Сяолин прийти к нам, деньги не проблема. "

Во время разговора Сюй Цэ достал из кармана банкноту в 100 таэлей и похлопал ею по столу.

Но цвет лица старого дрофа в это время выглядел немного странно, он был немного жестким, и когда он посмотрел на Сюй Цэ, он вернул свою улыбку и сказал в пустоту:

"Ойран Сяолин? Этот молодой человек ошибается? У нас нет ойрана по имени Сяолин, но есть ойран по имени Сяофан. Что, если я не попрошу Сяофана выйти и служить сыну?"

Старый дрофа продолжал смотреть на банкноту в руке Сюй Цэ с жадным взглядом.

Хотя город Цзинькэ - богатый город, в бордель ** приходит очень мало людей, которые могут вынести за один раз сто таэлей серебряных билетов. Если их обменивать, то тоже по тридцать таэлей серебра.

Сюй Цэ поднял брови: "О", а затем его голос слегка Фань Ленга, и сказал:

"Я ошибаюсь? Нет, когда твой ойран изменился?

Или ты специально прячешь мисс Линг?

Старый дрозд, я уже говорил, что деньги - не проблема. Этот сын специально приехал в город Цзинькэ, чтобы увидеть красоту малышки Линг, поэтому он не может позволить этому сыну вернуться без успеха! "

Старая дрофа расстроилась и сказала:

"Сын мой, я говорю правду. У нас здесь нет Сяолина.

Ойран - это Сяофан. Если сын не верит мне, я могу позволить девушкам выйти, а сын может спросить всех лично."

Сюй Цэ неловко нахмурился. Этот старый дрозд и хулиган, убивший Сяолин, похоже, были замешаны.

Двое парней, Афанг и Ахао, стояли в стороне и слушали. Их маленькие глазки были полны восхищения. Это достойно старшего брата Сюй Цэ. Войти в бордель, это как вернуться в свой собственный дом. После нескольких слов он не смог внятно объяснить, о чем спросила старая дрофа.

Однако им тоже стало любопытно, кто такой Сяолин?

Разве брат Сюй Цэ не прибыл вчера в город Цзинькэ?

Откуда он знает, что ойран здесь - Сяолин, а не Сяофан?

Более того, они смотрели на старую дрофу не так, будто говорили неправду. Неужели брат Сюй Цэ запомнил все неправильно и запомнил названия ойранов других городов как Jinque Town?

"Брат, ты неправильно запомнил? Старая дрофа сказала "нет", а ты здесь впервые. Или пусть этот маленький Клык выйдет".

А Хао сглотнул слюну, почувствовав аромат благовоний внутри борделя, его уже охватило восхищение.

Однако этот молодой человек также считается умным. Когда он называл своего брата, он не использовал слово "Сюй Цэ".

Сюй Цэ взглянул на этого парня и посмотрел на брата Свина с особенно неуверенным видом. Не стоит и говорить, что ему очень хотелось, чтобы этот парень пришел с настоящим оружием. По оценкам, его штаны еще не были сняты. По оценкам, это секунда.

Сюй Се посмотрел на Альфанга, ребенок выглядел ошарашенным, его щеки покраснелись, и он, вероятно, был не лучше Ахао.

Он беспомощно покачал головой, эти двое детей, в конце концов, дети без волос.

Поскольку он пока не мог ничего спросить, Сюй Цэ прекратил расспросы и сказал:

"Ну, пусть выйдет Ойран Сяофан".

"Хорошо, сынок, подожди минутку, я позову госпожу Сяофан, тогда..."

проговорил старый дрофа и бросил взгляд на серебряный билет.

Сюй Цэ подтолкнул к старой дрофе, и старая дрофа приняла его с радостью.

"Брат, как ты думаешь, эта девушка Сяофан продает свое тело или она продает искусство?"

Если ты продаешь себя..."

Прежде чем Ахао закончил говорить, Сюй Цэ с мрачным лицом погладил парня по голове.

Ма Дэ, чем больше ты об этом говоришь, тем больше возмущаешься, это уже слишком!

"Не говори слишком много, брат, я просто привел тебя сегодня посмотреть, не думай о грязных вещах, неужели ты так быстро забыл, что только что сказал?"

Вы культиваторы, тело Юаньян, для вас, это очень важно!

Знайте! "

пробормотал Ахао:

"Но брат, вы не все женаты, возможно, у вас нет тела Юаньян, но сейчас вы даже лучше, чем мастер и его старейшины..."

Сюй Цэ потерял дар речи, этот парень еще долго думал об этом, и ему было нехорошо:

"Старший брат, у меня необыкновенный талант, и до того, как я потерял Юаньян, я тренировался на такой высоте, которой большинство практиков в мире не смогли бы достичь за всю свою жизнь, так что мне все равно.

Однако, Ахао и Афанг, если вы сможете культивировать до сферы строительства фундамента, то никто не позволит вам охранять Юаньян. "

После того как двое услышали это, они внезапно поняли, но вскоре они снова показали горькое лицо, сказав:

"Брат, а это не значит, что мы никогда не сможем взять жену, если не достигнем царства строительства фундамента?"

Учителю уже за сорок, и я слышал, что дяде Девяти тоже за сорок. Боже мой, может, мне стать даосским священником? Это слишком жалко. "

Черная линия на бровях Сюй Цэ подскочила вверх. Честно говоря, он, казалось, затруднялся ответить на два товара по аналогии.

Похоже, это действительно жалко.

В это время Сяофанг, одетая в красно-розовый вышитый чеонгсам, шла под предводительством старой дрофы.

"Сяофанг встретил трех сыновей и порадовал трех сыновей".

Ойран Сяофанг слегка наклонилась, ее голос звучал тактично и трогательно.

Сюй Цэ поднял глаза, не говоря уже о том, что он действительно был большим красавцем.

Платок прикрывал половину его щек, с небольшой застенчивостью, что вызывало у людей чувство жалости и любви.

Оба мальчика, Афанг и Ахао, смотрели прямо. Это легендарный ойран, и конечно же... такой красивый!

"Сяофан, пожалуйста, сопровождай трех сыновей, я выйду первым. Если что, зовите меня".

Старая дрофа мудро развернулась и ушла.

"Я не знаю, что сын хочет послушать, Сяофан может сыграть для сына песню и добавить веселья перед выпивкой".

мягко сказал Сяофан.

Сюй Цэ немного подумал и небрежно сказал:

"Тогда горы и текущая вода".

"У сына действительно хороший вкус. Сяофанг сыграет для сына. Надеюсь, ему понравится".

В конце концов, Сяофанг сел на сцену в нескольких шагах от Стола Восьми Бессмертных и начал играть.

Звук фортепиано получился мелодичным и очень приятным.

Однако Сюй Цэ услышал в звуках пианино нотки депрессии, отчего его брови нахмурились.

<http://tl.rulate.ru/book/81543/2535339>